

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Лу Бо
«Русские экспрессивные синтаксические конструкции
как коммуникативные единицы», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертационное сочинение Лу Бо посвящено изучению специфических особенностей синтаксиса современной русской разговорной речи в коммуникативном аспекте: исследуются экспрессивные синтаксические конструкции, выражающие различные интенции, цели и эмоции коммуникантов. Несмотря на то, что данная проблематика не обойдена вниманием исследователей, многие её аспекты ещё не получили достаточно полного осмысления, требует совершенствования терминологический аппарат.

Работа весьма актуальна в связи с тем, что в настоящее время, как известно, разговорная речь активно проникает во все сферы общения, включая официальную, средства массовой информации, публицистику и т.д., большие трансформации происходят в стилистической системе русского языка. Кроме того, в условиях диалога культур и межкультурной коммуникации носитель иной речевой культуры ежедневно сталкивается с проблемой адекватной интерпретации живой русской речи. Всё это делает диссертационное исследование Лу Бо весьма своевременным и злободневным.

Несмотря на наличие в отечественной науке значительного числа работ, посвященных экспрессивным синтаксическим конструкциям и синтаксису русской разговорной речи, в том числе и обобщающего характера, необходимо дальнейшее привлечение нового языкового материала, выбор тех аспектов исследования, которые конкретизировали бы уже имеющиеся представления.

Следует отметить, что работа содержит значительный объём новых данных, полученных в результате анализа около 4,5 тысяч примеров с экспрессивными нечленяемыми синтаксическими конструкциями, извлечённых из звукового ряда телевизионных программ 2012-2014 гг., современных художественных произведений, содержащих письменные диалоги, передающие

живую разговорную русскую речь, газетно-публицистических текстов, где диалогизация используется в качестве эффективного журналистского приёма, а также из кинофильмов, содержащих устные диалоги; привлекался материал Национального корпуса русского языка и ручные блокнотные записи русской разговорной речи, что, безусловно, обеспечило достоверность полученных результатов и объективность исследования.

Исходя из необходимости объективного взгляда на изучаемые синтаксические построения, уточнения их статуса, из потребности объективного анализа их особенностей, формулируется основная цель исследования, которая заключается в «выявлении и описании функционально-семантической и прагматической специфики синтаксических экспрессивных конструкций, квалифицируемых как коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы».

Структура и композиция работы, избранные методы способствовали тому, что заявленные в диссертации цель и задачи исследования были успешно реализованы.

Первые две задачи исследования решаются в первой главе, посвященной описанию теоретических основ исследования, которое базируется на работах таких лингвистов, как Л.В. Щерба, Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев, Н.Ю. Шведова, О.Б. Сиротина, О.А. Лаптева, Н.Д. Арутюнова, Д.Н. Шмелёв, Н.И. Формановская, А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин, А.А. Леонтьев и др. Здесь рассматриваются проблемы экспрессивности, в том числе синтаксической, акцентируется внимание на том, что «семантика синтаксических конструкций является коммуникативно значимой», а единство экспрессивности и интенсивности «создает прагматический эффект воздействия на адресата» (с. 15). Касаясь истории изучения и выделения коммуникативов, автор обращает внимание на факт терминологического «многоголосия» при именовании данных единиц и необходимость поиска адекватных терминов; анализируя объём понятия «разговорная речь», определяет её основные критерии и принимает для своей работы в качестве базовой узкую трактовку феномена разговорной речи как бытовой речи носителей языка; рассматривает проблемы диалогического дискурса,

прагматики диалога и механизмов его устройства; актуализирует проблему адекватного понимания русской устной разговорной речи, насыщенной экспрессивными конструкциями, инофонами.

Творчески используя работы по избранной тематике, Лу Бо даёт свою интерпретацию лингвистических фактов, которая отличается достаточно строгой логичностью и последовательностью. На основе функционально-семантического критерия автор выделяет 3 разновидности экспрессивных синтаксических конструкций: коммуникативы, выполняющие речеактовую функцию, метакоммуникативы, выполняющие метаязыковую функцию, и коммуникемы, за которыми закрепились функции экспрессивно-оценочная (см. второе положение, выносимое на защиту).

На наш взгляд, особенно интересным, нетривиальным, хотя и не всегда однозначным, представляется фактологический материал и его интерпретация в главах, посвящённых анализу функционально-семантических и прагматических особенностей каждого из выделенных видов коммуникативных единиц. Именно в них находят обоснование 3 – 6 положения, выносимые на защиту.

Развёрнутостью, глубиной и убедительностью отличается вторая глава, посвящённая характеристике коммуникативов, которые, по мнению автора, «являются ответными репликами в диалогическом дискурсе и представляют собой целенаправленное речевое действие, что делает их подобными речевым актам» (с.41).

К достоинствам работы следует отнести семантическую составляющую исследования. Собранный фактический материал позволил автору по семантическому критерию подразделить все коммуникативы на 4 вида: коммуникативы с семантикой согласия, несогласия, безразличия и побуждения. Диссертант утверждает, что коммуникативы, обладая категориальным значением отношения к содержанию реплики-стимула, формируют речевые акты согласия/несогласия, а их модификации выражают дополнительные оттенки данных значений. На обширном фактическом материале он доказывает, что коммуникативно-прагматические значения, как правило, «выражены имплицитно и амбивалентно».

Детальный функционально-семантический и прагматический анализ коммуникативов, реализующих семантику согласия/несогласия, позволил автору выделить 14 частных разновидностей значения согласия (согласие-подтверждение, согласие-удивление, согласие-уверенность, категорическое согласие, ироническое согласие, подчёркнутое согласие, согласие-разрешение, вынужденное согласие, согласие-уступка, согласие-сочувствие, согласие-оценка, согласие-шутка, горделивое согласие, согласие солидарность) и 11 оттенков интенции несогласия (несогласие-опровержение, несогласие-возражение, несогласие-недовольство, несогласие-неодобрение, ироническое несогласие, несогласие отрицание, оценочное несогласие, категорическое несогласие, запрет, отказ, несогласие возмущение).

Основываясь на том, что значение согласия/несогласия может обогащаться оценочным компонентом смысла, автор выделяет коммуникативы, способные выражать безразличие, и обращает внимание на очевидную в последнее время тенденцию роста построений с семантикой безразличия типа *Ну и что! Ну что ж! Ну и пусть! Мне-то что! Ну ладно!*, свидетельствующую о социальной апатии носителей языка, ценностном вакууме и т.п.

В то же время, по наблюдениям автора, в речи функционируют и коммуникативы с противоположным значением, которые передают интенцию побуждения с семантическими оттенками просьбы, запрета, совета, успокаивания, угрозы (*а всё-таки, да ладно (тебе/вам), ну ладно* и др.).

Особый интерес представляет материал третьей главы, где автор характеризует метакоммуникативы, впервые вводя в научный оборот этот термин, что обеспечивает исследованию необходимую новизну. Опираясь на текстовый подход к интерпретации разговорных речевых произведений, он квалифицирует метакоммуникативы в качестве особого класса экспрессивных синтаксических конструкций, «представляющих собой разнообразные комбинации сочетаний частиц, наречий, союзов, местоимений и междометий, выполняющих метатекстовые функции» (с. 7) «в определённых коммуникативных ситуациях» (с. 86). По мнению автора, это «особые единицы

языка и речи», выполняющие «абсолютно иные функции по сравнению с коммуникативами и коммуникемами» (с. 86). В результате анализа условий функционирования метакоммуникативов *вот так, вот что, так вот, ну так вот, ну (и) вот, вот и всё, ну ладно* и др. в современной русской разговорной речи соискатель приходит к убедительному выводу о том, что данные единицы способны выполнять разнообразные текстовые функции (с. 105-106, 127), в том числе функции акцентного выделения предстоящей информации или подытоживания предшествующей, перехода от одной темы к другой или возврата к ранее обозначенной теме либо коммуникативной ситуации в целом, регулирования процесса общения (обозначение концовки речи, размыкания интеракции и др.) (см. 4 положение, выносимое на защиту). Весьма ценным представляется развёрнутое комментирование контекстов, определение семантических оттенков и имплицитных смыслов, характерных, например, для коммуникативов *вот так-то, (ну/да) ладно* и др.

В четвёртой главе даётся функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникем. Определяется статус этих единиц, отмечается, что они, имея свою структурную и семантическую специфику, отличаются от коммуникативов прежде всего «своей прагматической направленностью», с их помощью передаётся «непосредственная экспрессивная оценивающая реакция на сделанное, сказанное, увиденное или услышанное» (с.107), в большинстве случаев негативная, отрицательная, реже положительная или амбивалентная. Убедительно доказывается, что «коммуникемы не предполагают обязательной реакции со стороны адресата, которого может и не быть» (см. пятое положение, выносимое на защиту). Анализируя смысловое наполнение коммуникем, автор подчёркивает, что дифференциация значения эмоций, передаваемых некоторыми из них (например, единицами *ну и ну, вот это да, ух ты, ишь ты* и др.), весьма затруднена в силу того, что «критерием дифференциации служит мимика, интонация и контекст». Кроме того, для определения эмотивного смысла определённых коммуникем «нужно обладать фоновыми, пресуппозиционными знаниями об отношениях коммуникантов». На

этом основании диссертант относит коммуникему *Вот это да!* и подобные ей единицы к амбивалентным коммуникемам, «способным передавать эмоцию удивления как со знаком (+), так и со знаком (-)» (с.114). Детальный семантический анализ позволяет Лу Бо выделить 8 частных разновидностей значения эмоционального удивления, передаваемых коммуникемами *вот так так, вот так да, вот это да, это ж надо, ну и ну, вот тебе раз, вот тебе на* и др.: недоумение, сомнение, смущение, интерес, тревога, огорчение, страх и восхищение.

Весьма ценными представляются наблюдения, связанные с определением семантического диапазона коммуникемы *да ладно*, которая имплицитно и амбивалентно может передавать удивление вместе с недоумением, недоверием и радостью. Вообще автор на протяжении всей работы обращается к анализу частотных экспрессивных конструкций с опорным словом *ладно*, что позволяет ему сделать обоснованный вывод об их полифункциональности, потому что «в зависимости от контекста, характера реплики-стимула в диалоге и коммуникативной ситуации в целом экспрессивные конструкции с опорным словом *ладно* (*ну ладно, да ладно, ну да ладно*) могут выполнять функции и коммуникативов, и метакоммуникативов, и коммуникем» (с.125).

В процессе анализа автор постоянно обращает внимание на сферы употребления исследуемых единиц, условия их функционирования, стилистические особенности (с. 48, 83 и др.). Это позволяет ему обосновать справедливость утверждения о том, что «экспрессивно-эмоциональные синтаксические построения как единицы диалогического дискурса не относятся к так называемым «сорнякам речи», а являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации» (см. первое положение, выносимое на защиту).

Следует отметить, что в диссертации, безусловно, содержатся новые данные, которые дополняют наши представления об особенностях функционирования в живой устной русской речи экспрессивных синтаксических конструкций. Она обладает теоретической значимостью и научной новизной.

Однако, в целом давая положительную оценку диссертационному исследованию Лу Бо, отметим, что, на наш взгляд, представленная работа не

свободна от некоторых недочётов и спорных моментов, на которые хотелось бы обратить внимание.

1. Вероятно, сложность исследуемых языковых явлений приводит к тому, что автор не всегда последователен в вопросе соотношения понятий *язык* и *речь*, то принимая эту дихотомию (язык-речь), то отказываясь от неё и не различая, например, единиц языка и речи. Так, сначала утверждается, что «коммуникативы – это единицы языка» (с. 3), а затем автор склонен считать, что «метакоммуникативы – особые единицы языка и речи» (с. 86).

По нашему мнению, толкование некоторых терминов и положений, представленных в диссертации, входит в некоторое противоречие, требуя более тщательной проработки и дифференциации. Так, все исследуемые экспрессивные единицы автор относит то к синтаксическому уровню (см. и само название диссертации), но в то же время считает, что коммуникемы относятся к лексико-фразеологическому уровню (с.26), к «собственно эмотивной лексике» (с. 110). Квалифицируя исследуемые единицы как «непредложенческие и неноминативные» (с.9), всё же относит их к нечленимым предложениями или нечленимым высказываниям.

2. Хотелось бы уточнить некоторые детали. Автор ссылается на открытый список нечленимых экспрессивных синтаксических конструкций, который содержит на момент исследования 216 единиц (с. 7). Что это за список? Где его можно обнаружить? Входят ли в него исследуемые сочетания или есть вновь выявленные? Если это список автора, то почему он не представлен в качестве приложения к настоящей работе?

Все ли экспрессивные конструкции укладываются в предложенную автором трёхвидовую классификацию и какие синтаксические сочетания остаются за пределами предложенной классификации?

3. Думается, что некоторые выводы не всегда логично вытекают из предыдущего анализа. Например, вывод о существовании коммуникативов-запретов и коммуникативов-угроз (с. 85) представляется весьма декларативным, поскольку он совершенно не подкреплён аналитическим

материалом. Коммуникатив *Вот я тебе!* лишь упомянут в общем перечне коммуникативов-побуждений (с. 81), а коммуникативы с семантикой запрета даже не включены в предложенный список.

Утверждая, что метакоммуникаема *ну так вот* маркирует переход от одной темы к другой, диссертант приводит подряд 10 примеров без предыдущего (левого) контекста, которые не могут с очевидностью продемонстрировать данного значения.

Последний вывод из 4 главы (с. 125) имеет обобщающий характер, поэтому его следовало бы перенести в Заключение.

4. Представляется, что логическим завершением научного исследования и мог бы стать список изученных коммуникативных единиц, их вариантов и модификаций, тем более что автор подчёркивает необходимость инвентаризации, детализации, систематизации коммуникативных экспрессивных построений (с.5).

5. Смушают некоторые речевые неточности и опечатки (см. с. 7, 15, 59, 67, 81, 101, 108, 115-116 и некот. др.), а также технические погрешности в оформлении ссылок и списка использованной литературы, когда в нём невозможно обнаружить, например, работ С.В. Лосевой, А. Вежбицкой, А.А. Шаймиева (с. 87), Н.Ю. Шведовой, М.Л. Макарова (с.89), А.М. Пешковского (с.108) и некот. др. учёных, на которые ссылается автор и фрагменты которых цитирует в тексте диссертации.

Однако сделанные замечания имеют частный характер и не умаляют достоинств рецензируемой работы, которая в целом представляет собой завершённое научное исследование, достаточно глубоко отражающее современные процессы в синтаксической подсистеме русской разговорной речи, открывающее некоторые новые перспективы в её изучении.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов по современному русскому языку, синтаксису разговорной речи, в прагмалингвистике, преподавании русского языка как иностранного, а также в переводческой практике.

Содержание диссертации достаточно полно отражено в 6 публикациях (в том числе и 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ) и автореферате.

Всё это даёт основание для заключения о том, что диссертационное сочинение Лу Бо «Русские экспрессивные синтаксические конструкции как коммуникативные единицы» вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор достоин присуждения искомой учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Кандидат филологических наук, доцент, профессор
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Воронежского государственного архитектурно-
строительного университета

Н.Н.Лапынина

Заверяю:

Проректор по науке и инновациям
Воронежского ГАСУ

В.Я.Мищенко

Лапынина Надежда Николаевна

Адрес Воронежского государственного архитектурно-строительного университета:
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
Раб. тел.: 271-50-48

Дом. адрес: 394007 Воронеж, ул. Димитрова, д.6, кв. 212
Моб. тел.: 8-951-555-65-47
Эл. адрес: lapynina.olga@mail.ru

1 октября 2015 г.